

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 8
volume 8**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1996**

Н. А. Невский

На стеклах вечности...

**НИКОЛАЙ
НЕВСКИЙ**

**Переводы,
исследования,
материалы к биографии**

В настоящем разделе мы публикуем сборник «На стеклах вечности... Николай Невский. Переводы, исследования, материалы к биографии», приуроченный к столетию со дня рождения выдающегося отечественного востоковеда Н. А. Невского (1892—1937). В книгу включены статьи из архивов ученого по языку и этнографии Японии, переводы его статей, написанных по-японски, а также письма, адресованные японским ученым. Впервые публикуется единственная работа Невского по синологии, посвященная поэзии Ли Бо, — дипломное сочинение, заслужившее высокую оценку акад. В. М. Алексеева.

В подготовке тома приняли участие виднейшие отечественные востоковеды — В. М. Алпатов, Е. И. Кычанов, Л. Н. Меньшиков, а также дочь Н. А. Невского — Е. Н. Невская. Сборник был подготовлен к печати издательской фирмой «Восточная литература» (Москва) в 1994 году.

*Ответственный редактор и составитель Л. Л. Громковская.
Редактор издательства «Восточная литература» С. В. Веснина.*

Издание подготовлено при финансовом участии Фонда добровольных пожертвований японских ученых, среди членов которого Мотидзуки Тэцуо, Накамура Ёсикадзу, Като Кюдзо, Ясуи Рёхэй, Эцуко и Кэнноскэ Накамура, Мотидзуки Киити, Мидзуно Мори, Мацумото Тюдзи, Акидзуки и Тосиюки Такако.

Центр «Петербургское Востоковедение», взявший на честь публикации этой «книги в книге», выражает глубокую благодарность Г. В. Васильеву, усилиями которого после смерти Л. Л. Громковской сборник продвигался к читателю.

Особенно признательны издатели Константину Яхонтову за бескорыстную дружескую помощь в технической подготовке материалов к печати и всегдашнюю поддержку.

*На стекла вечности уже легло
мое дыхание, мое тепло*

О. Мандельштам

Великий филолог

Л. Л. Громковская

Японист, синолог, тангутовед... Выходец из самого сердца России, волжанин, вобравший в себя лучшее, что свойственно русскому национальному характеру, — пытливость ума, великодушие, целеустремленность, доходящую до самозабвения. Он был отмечен печатью гениальности, обладал уникальным даром полной адаптации к любой культурно-языковой среде. Его можно назвать филологом в самом точном значении этого понятия. Любовь к слову, знание слова — с точки зрения грамматики, фонетики, поэтики — были жизнью Николая Невского, для этого он был рожден. «Великим филологом» назвал Н. А. Невского его японский друг и соавтор Исихама Дзюнтаро.

* * *

Николай Александрович Невский пятнадцать лет своей недолгой жизни провел в Японии. И случилось так, что, оказавшись в иной национальной среде, он не вошел в нее чужеродным элементом, а стал ее органической частицей.

Каким же был путь с берегов северной Волги к японским берегам?

«Родился я в г. Ярославле в 1892 г. от родителей мещанского происхождения. Не прошло и года после моего рождения, как умерла мать и отец вскоре женился снова и от второй жены у него родились две дочери. Отец в это время служил в маленьком уездном городке Пошехонье в качестве следователя Ярославского окружного суда. В 1895 г. умер и мой отец, не оставив мне никакого состояния, и я был взят на воспитание родителями покойной матери и поселился у них в г. Рыбинске.

По окончании гимназии поступил в Петербургский Технологический институт, но, перейдя на второй курс и отбив в качестве помощника машиниста практику на железной дороге, перешел в Петербургский университет на факультет восточных языков, избрав своей специальностью языки китайский и японский, к которым с давних пор чувствовал влечение...» — так писал в автобиографии сам Николай Александрович.

От «Техноложки» до китайско-японского разряда Восточного факультета — не слишком ли велик разброс интересов молодого Невского? Можно ли в таком случае говорить о призвании?

По свидетельству тех, кто знал Колю Невского в юные годы, этот живой мальчик был удивительно разносторонним — держал голубей, ломал голову над изобретением вечного двигателя, любил танцевать, увлекался фотогра-

фией, прекрасно декламировал... Уже тогда были замечены его способности к языкам. Ему было дано многое, но то, что он избрал востоковедение, скорее всего, подсказали круг чтения, атмосфера тех лет.

В последние десятилетия XIX и первые годы XX в. в России, осваивавшей пути к Тихому океану, усилился интерес к дальневосточным соседям. Особенное любопытство вызывала Япония, которая после длительной самоизоляции вступала в круг мировых держав. Популярны журналы «Мир Божий», «Вокруг света», «Русское богатство», «Нива» помещали на своих страницах

Гимназист Николай Невский.
Рыбинск (?), 1906 г.

путевые очерки о «Стране Восходящего Солнца», переводы японских сказок. Появилась книга Рачинского о японской поэзии, участились выставки японского искусства. В переводе с английского были изданы «Вся Япония» Б. Чемберлена и «История японской литературы» Г. Астона. Если предположить, что все эти факты прошли мимо провинциального Рыбинска, то русско-японская война 1904—1905 гг. неизбежно должна была привлечь всеобщее внимание.

С началом войны газеты заполнились японскими именами, запестрели неизвестными географическими названиями, стал выходить еженедельник «Летопись войны с Японией». В этом роскошном иллюстрированном издании большого формата кроме высочайших приказов, донесений с театра военных действий,

списков погибших и раненых печатались статьи о быте и нравах противника, очерки из японской жизни, фотоснимки японских городов. Непривычные для русского глаза пейзажи, диковинные наряды гейш — может быть, именно они пробудили интерес подростка Николая Невского к Японии?

В Университете Невский появился в тужурке студента Технологического института, но выбор жизненного пути был им сделан: он посвятил себя восточным языкам. Невский сразу обратил на себя внимание — его отличала нечасто встречающаяся страсть к фонетике. Н. И. Конрад вспоминал об «ослепительном умении» студента Невского воспринимать звуки чужой речи, о том, что он принадлежал к тем заядлым фонетистам, которые в своей увлеченности какой-нибудь фонемой описывали ее так, что «получалось что-то вроде кансоны в честь мадонны Лауры»¹. Эта склонность Николая Алексан-

¹ Здесь и далее расшифровка магнитофонной записи (из фонотеки Архива востоковедов) выступления Н. И. Конрада в 1952 г.

дровича была поддержана самой атмосферой Университета: в это время Л. В. Щерба открыл кабинет экспериментальной фонетики, казавшийся просто чудом, а приват-доцент В. М. Алексеев, только что приехавший из Китая, учредил на Восточном факультете фонетическую студию.

Среди университетских учителей Н. А. Невского — он сам употребляет именно это слово, говоря о своих преподавателях, — были Л. В. Щерба, А. И. Иванов, В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский. Не нанося урона этим славным именам, на первое место все же следует поставить крупнейшего синологга Василия Михайловича Алексеева, будущего академика. Его отношения с Невским, не прерывавшиеся всю жизнь, — редкостный пример взаимной любви и уважения. Неизменная готовность В. М. Алексеева оказать любую помощь своему ученику, безусловно, говорит о благородстве учителя. Но была в этом и заслуга Н. Невского, иначе не написал бы В. М. Алексеев таких слов: «Я счастлив был и остаюсь тем, что Вы были моим учеником. В качестве лучшего пожелания скажу: да будет у Вас такой же!»

Выпускник китайско-японского разряда Н. А. Невский в равной мере был подготовлен к тому, чтобы стать японистом и синологом. Серьезным свидетельством его занятий китайской филологией осталось «Зачетное сочинение на тему: Дать двойной перевод (дословный и парафраз) пятнадцати стихотворений Ли Бо, проследить в них картинность в описаниях природы, сравнить по мере надобности с другими поэтами и дать основательный разбор некоторых переводов». Но почему для зачетного сочинения избрана поэзия? Логичнее было ожидать от Невского в качестве научного дебюта работы по лингвистике — вспомним о его страсти к фонетике. Но подобный выбор кажется неожиданным лишь на первый взгляд. Н. И. Конрад отмечал: «Я прекрасно помню, как он с торжеством вошел в мою комнату в общежитии и положил на стол маленькую книжечку. И сказал: "Вот читайте!" Это был "Камень" Мандельштама. Оценить в то время Мандельштама могли очень немногие».

Безупречное поэтическое чутье! Но не только это. Знаменательно признание Невского: «В музыке я профан, "сирото", как скажут японцы. Я никогда не мог верно взять ни одной ноты (в этом моя трагедия), но я могу говорить о музыке стиха, и... я понимаю ее несравнимо глубже, чем масса» (курсив мой. — Л. Г.). Сопоставим с этим признанием мнение японцев о самом Николае Александровиче: «У него не речь, а музыка для японского уха». Слышать музыку речи и уметь ее воспроизвести — может, это дар более редкий, чем музыкальность в обычном смысле слова? Восприятие поэзии как музыки речи — вот объяснение феномена Невского, который «гармонию» стиха «проверял алгеброй» фонетики. Невский, впоследствии создавший прекрасные поэтические переводы японских синтоистских гимнов «Норито», айских сказаний, песен мякко, всегда, по его собственному выражению, «жаждал поэзии». Он любил Хлебникова, ему нравились «железные» стихи Брюсова, «светло-солнечные» Бальмонта, он упивался блоковским «О, весна без конца и без краю», тосковал без «чудной музыки» стихов Северянина. Неизменная готовность души к поэзии не могла не вспыхнуть при встрече со строфами Ли Бо: «Я остановился на Ли Бо вследствие того, что много был наслышан об этом гении от своих университетских учителей». Нетрудно догадаться, от кого был «наслышан» студент Невский о китайском поэте: в 1911 г. В. М. Алексеев опубликовал свои переводы «Стихотворений в прозе» Ли Бо.

Н. А. Невский прошел блестящую школу востоковедения не только в Университете — он был постоянным слушателем частных семинаров Л. Я. Штерн-

берга в Музее антропологии и этнографии. Студентов-восточников привлекали не только замечательные коллекции, но и царившая там атмосфера научного поиска. Центральной фигурой в Музее в те годы был старший этнограф Лев Яковлевич Штернберг. Жизнь его сложилась удивительно: он намеревался стать юристом, а вошел в историю науки как крупнейший этнограф. Будучи студентом-юристом в Одессе, он участвовал в народовольческом движении, за что был арестован и сослан на Сахалин. Шесть лет прожил он среди гиляков, аборигенов острова, овладел гиляцким языком, узнал быт и нравы этого народа, изучил его фольклор.

9 апреля 1914 г. (по старому стилю) Н. А. Невский получил свидетельство об окончании курса. Решением ректора Университета от 27 ноября 1914 г. он был оставлен при Университете, а с 1 марта 1915 г. были выделены средства для того, чтобы командировать Н. А. Невского в Японию.

Н. Невский и Н. Конрад на занятиях у проф. Такахаси Тэммин. Япония.

В его жизни начались «годы странствий». В Токио ему не грозило одиночество — здесь уже обосновались Отто Розенберг и Николай Конрад, его единомышленники, друзья, понимавшие друг друга с полуслова. Все трое были посланы в Японию, чтобы получить основательную языковую подготовку для преподавательской работы. Но каждый имел еще особые задачи, связанные с темами научных исследований.

Темой своей работы во время стажировки Невский избрал первичные верования Японии — синтоизм. Параллельно изучению памятников, а может быть, даже предпочтительнее определилась и другая линия исследования синтоизма: сравнительное изучение фольклора разных провинций, храмовых праздников, гаданий, шаманства, детских игр, народных песен и танцев, т. е. того, что составляет предмет этнографии. Специфика научных исследований

Невского предполагала общение с людьми, наблюдение повседневной действительности. Он посещал синтоистские храмы, не ускользнули от его внимания и небольшие лавочки, где торговали изделиями народных промыслов разных провинций Японии, стал завсегдатаем букинистических магазинов и находил там не только редкие книги, но и интересных собеседников.

Те годы были периодом становления японской этнографии. Молодой русский ученый, с энтузиазмом включившись в исследовательскую работу, подружился с Накаяма Таро и Оригути Нобуо, учился у Янагида Кунио и Киндаити Кёсукэ. Невский сделал для себя множество открытий и понял, что главные находки ждут его в глухих уголках страны, которых еще не коснулась «нивелирующая рука» европейской цивилизации. Уже летом 1915 г. он предпринял свое первое путешествие в северо-восточные провинции Японии.

Н. Невский со студентами — участникам любительского спектакля. Япония. г. Отару

Впоследствии Н. А. Невский совершил еще не одну экспедицию в японскую «глубинку».

Где бы ни доводилось ему бывать, всюду он приобретал друзей среди тех энтузиастов изучения родного языка, которых так много во всех уголках Японии. Дневники Н. А. Невского сохранили имена учителей, крестьян, студентов. С некоторыми из них он поддерживал дружеские отношения многие годы.

Срок стажировки Н. А. Невского истек. Уже уехали Конрад и Розенберг. Шел 1917 год. В Японии появились эмигранты из России. Из дома и от друзей Невский получал самые противоречивые советы. Трудно было что-нибудь понять, находясь за тридевять земель от родины. Тем временем Университет прекратил ему выплату содержания, и Невский вынужден был искать службу, чтобы иметь средства к существованию.

Только в 1919 г. Николай Александрович наконец получил место преподавателя русского языка в Высшем коммерческом училище в г. Отару на острове Хоккайдо. Преподаватели-японцы встретили русского коллегу радушно, и он почувствовал себя превосходно.

За время, проведенное на Хоккайдо, Невский изучил язык и фольклор айнов — аборигенов острова. Никогда прежде не встречаясь с айнами, он тем не менее имел представление об этом народе: айноведение было одним из главных научных направлений исследований Л. Я. Штернберга. «Айну — маленькое угасающее племя, некогда занимавшее весь Японский архипелаг, — представляет одну из самых таинственных и интересных этнических индивидуальностей, какие только знает этнография», — говорил Л. Я. Штернберг. Айны обладали самобытным, богатым фольклором, разнообразным по жанрам: похоронные плачи, любовные песни, загадки, сказки, развитый животный эпос.

Когда Невский оказался на Хоккайдо, айноведение находилось на ранней стадии развития. Ученых, посвятивших себя изучению айнов, и в Японии, и за ее пределами были единицы. Верный советам Л. Я. Штернберга, Невский решил обойтись без переводчика. Его наставником в изучении языка айнов стал крупнейший айновед проф. Киндаити Кёсукэ. За три года работы Невский достиг необыкновенных результатов, которые поставили его в один ряд с такими айноведами, как Батчелор и Киндаити. Его научный авторитет подтверждается и тем, что в 1922 г. он был приглашен для чтения лекций по айнскому языку в университет г. Киото.

В 1935 г., уже вернувшись на родину, Н. А. Невский опубликовал некоторые из своих айнских материалов, но их большая часть осталась в рукописном виде в его архиве. Они увидели свет лишь в 1972 г. («Айнский фольклор»).

В Отару Невский встретил свою будущую жену — Мантани Исо. Девятнадцатилетняя Исоко вначале помогала Н. А. Невскому переписывать рукописи, приводила в порядок собранные им материалы. Когда в 1922 г. Невский уехал из Отару, она вернулась в отчий дом. Но вскоре, получив письмо Н. А. Невского с просьбой приехать к нему, Исоко перебралась в Осака. Официально их брак был зарегистрирован 12 июня 1929 г. в советском генконсульстве в г. Кобэ.

С 1922 г. Невский живет в Осака. Он — профессор русского языка в Институте иностранных языков. К осакскому периоду жизни (1922—1929) относятся углубленные занятия фольклором, этнографией и диалектами островов Мияко, разработка фольклорных и языковых проблем племени цоу — аборигенов острова Тайвань, а также зарождение интереса к тангутике.

На островах Мияко Невский побывал трижды — в 1922, 1926 и 1928 гг. В то время из Наха — главного города острова Окинава — в летнее время на Мияко курсировали два небольших судна. Но как долг был путь сюда из Осака! Сначала — полсуток в сидячем вагоне, потом переправа на о-в Кюсю через Симоносэксский пролив на пароме, снова поездом до Кагосима, а оттуда — двое суток до Окинавы, до Наха. Здесь Невский пересаживался на «Мияко-мару» или «Яэяма-мару», доставлявшие его на острова. Впрочем, тягот путешествия он не замечал. Не расставаясь с путевым дневником, Николай Александрович неустанно трудился. Он тяготился праздностью, труд был для него постоянной потребностью.

В результате поездок собран уникальный материал. Одна за другой в журнале «Миндзоку» появляются работы Невского. Вклад Невского в освоение культуры Мияко велик, но, к сожалению, при жизни ученого на русском языке никаких публикаций по Мияко сделано не было. Лишь в 1978 г. по

архивным материалам была издана его книга «Фольклор островов Мияко». Акад. В. М. Алексеев подчеркивал, что Николай Александрович принадлежал к «редкому типу» исследователей, которые все свое внимание сосредотачивают на «трудных и редко стоящих на очереди» проблемах, а не на тех, которые «выглядят наиболее эффектно» для непосвященных. Одной из таких трудных проблем было исследование языка племени цоу.

Летом 1927 г. Невский предпринял поездку на остров Тайвань к полудиким племенам аборигенов. Что влекло его туда? Стремление зафиксировать язык и фольклор вымирающего племени? А может быть, он ставил перед собой и более широкие задачи? Например, связать воедино в своих исследованиях всю цепь тихоокеанской островной гряды, начиная с Хоккайдо, вплоть до максимально доступных ему южных островов? Ведь еще в 1916 г. Н. А. Невский писал, что конечной целью своей работы полагал бы «найти исходные пункты зарождения мифов, иначе, мифологические центры внутри страны и, таким образом, ход территориального развития мифов». Это, возможно, позволило бы сделать большие обобщения: «Найденные центры, рассматриваемые в связи с историей отношений Японии с иностранными государствами, помогут, может быть, найти вообще места зарождения данных мифов и тем самым прольют свет на происхождение самой японской нации или по крайней мере осветят древнюю историю народа».

На Тайвань Невский отправился со своим коллегой по Институту иностранных языков проф. Асаи Эрин. Всего за неделю путешествия они попали из XX в. в первобытную эпоху. Добравшись до цели — селения Тапангы, Невский уже завтра познакомился со своим будущим наставником в языке цоу, юношей по имени Воны.

Почти целый месяц «под непрестанный шум дождя горного сырого сезона» Н. А. Невский записывал от Воны предания племени цоу. Из-за дождя нельзя было побродить по окрестностям, и Невский радовался вынужденному затворничеству — можно было, не отрываясь, работать. И как много он успел за этот месяц... Предания, записанные им, отражали все стороны жизни племени. В них рассказывалось о небесных светилах, пантеоне богов, способах рыбной ловли и обработки земли, об обычае охоты за головами... В середине августа Невский вернулся в Осака, где его доклад вызвал большой интерес.

Лишь в 1935 г. Невский в книге «Материалы по говорам языка цоу» обобщил результаты поездки 1927 г. Известный японист С. Г. Елисеев писал в 1936 г. в письме из Америки, что эта работа «может служить образцом, как писать книги о говорах аборигенов. Переводы текстов могут служить прекрасным материалом для социологов и этнографов, которым не всегда доступны малоизвестные языки».

В осакский период жизни Н. А. Невский заявил о себе и как тангутовед. Тангутика стала тем направлением его творчества, в котором ему суждено было совершить настоящий научный подвиг.

К началу XX в. европейская наука насчитывала уже несколько десятилетий изучения тангутской проблемы. В русской науке прошлое тангутов было известно благодаря знаменитому труду русского китаевода первой половины XIX в. Н. Я. Бичурина (Иакинфа) «История Тибета и Хухунора с 2282 года до Р. Х. до 1227 по Р. Х.» (СПб., 1883). Среди ученых, занимавшихся вопросами тангутской письменности, были такие крупные исследователи, как А. Уайли, Э. Шаванн, С. Бушель, Г. Девериа, М. Морис, А. И. Иванов, Б. Лауфер. Однако древняя письменность тангутского народа оставалась загадкой.

На стеклах вечности... Николай Невский

Летом 1925 г. Невский побывал в Пекине и «посетил проф. А. И. Иванова, моего прежнего учителя в Петербургском университете, ныне драгомана советского посольства в Пекине. Наш разговор касался языка тангутов, которым я интересовался, и профессор показал мне несколько книг и документов, написанных на этом языке...»

Н. А. Невский активно занялся тангутскими материалами и к 1929 г., году возвращения на родину, был уже автором ряда работ по тангутоведению. Огромное собрание тангутских рукописей из города Хара-Хото, который перестал существовать в результате монгольского нашествия семь веков назад, привез в начале XX в. в Азиатский музей в Петербурге знаменитый русский путешественник П. К. Козлов. Невского считали человеком, способным раскрыть тайну загадочных тангутских письмен. И он дешифровал их, что дало возможность пролить свет на историю и культуру тангутов — древнего народа высокой цивилизации.

* * *

Жизнь Николая Александровича Невского оборвалась трагически: по ложному обвинению в шпионаже в пользу Японии он был расстрелян 24 ноября 1937 г. в один день со своей женой.

На долгие годы имя великого востоковеда было предано забвению. Только через 20 лет он был посмертно реабилитирован. Но даже после этого подлинные обстоятельства и дата его гибели оставались неизвестными. Согласно официальной справке, хранящейся в Архиве востоковедов в Санкт-Петербурге, Н. А. Невский скончался от миокардита 14 февраля 1945 г. (Место смерти в документе не значится.) Эти данные повторялись из публикации в публикации на протяжении долгого времени. Только в 1992 г. Елена Николаевна Невская получила доступ к следственным делам отца и матери и узнала, когда и как они погибли. Об этом подробно рассказывается в статье Е. Н. Невской «О родителях», помещенной в данном томе.

В 60-е годы началась разработка научного наследия Невского (он не успел опубликовать многое из того, над чем работал). В Японии этим успешно занимались Ока Масао, Каваи Таданобу, Наганава Мицуо. Особенно следует выделить проф. Като Кюдзо, японского биографа Невского. Благодаря книге Като «Тэн-но хэби» («Небесная змея», 1976) имя нашего соотечественника широко известно среди японской интеллигенции.

Фундаментальный труд Н. А. Невского «Тангутская филология», подготовленный к печати З. И. Горбачевой, усилиями акад. Н. И. Конрада был представлен на соискание высшей награды нашей страны — Ленинской премии — и получил ее в 1962 г. Это открыло дорогу дальнейшим публикациям. О Невском-тангутоведе рассказал Е. И. Кычанов в книге «Звучат лишь письмена» (1965), затем Л. Громковская подготовила к печати и издала по материалам рукописных фондов труды Невского: «Айнский фольклор» (1972), «Фольклор островов Мияко» (1978), «Материалы по говорам языка цоу. Словарь диалекта северных цоу» (1981). В серии «Русские востоковеды и путешественники» в 1978 г. вышла книга «Николай Александрович Невский», написанная совместно Л. Громковской и Е. Кычановым.

Издание данного тома приурочено к 100-летию со дня рождения Н. А. Невского. Здесь собраны воспоминания об ученом, неизвестные или малоизвестные материалы из его научного наследия. Они оказались столь разнообраз-

ными, что для их подготовки к печати потребовались усилия целого коллектива виднейших российских востоковедов.

Мысль о единстве человечества, постоянно подчеркиваемая Невским, была не научной абстракцией, но живой реальностью, и для него самого в первую очередь. Его посмертная судьба также служит объединению людей — японские и русские ученые в тесном взаимодействии осваивают научное наследие Невского. В 1992 г. по случаю юбилея Н. А. Невского профессору Като Кюдзо за вклад в благородное дело развития научных связей России и Японии была присуждена почетная степень доктора Российской Академии наук, а в дар университету Васэда (Япония) был передан микрофильм рукописи из архива Невского «Материалы по изучению диалектов Мияко». Со своей стороны японские ученые и общественные деятели создали фонд доброволь-

Публикаторы научного наследия Н. А. Невского в России и в Японии:
Л. Л. Громковская, Каваи Таданобу и Танака Канако.

ных пожертвований для издания данного тома. Хочу назвать их, это Накамура Ёсикадзу, Като Кюдзо, Ясуи Рёхэй, Эцуко и Кэнноскэ Накамура, Мотидзуки Киити, Мидзуно Мори, Мацумото Тюдзи, Акидзуки и Тосиюки Такако. Возглавил работу по созданию фонда молодой ученый из Института славяноведения университета Хоккайдо д-р Мотидзуки Тэцуо.

О Невском сегодня известно и написано немало. Однако слова Исихама Дзюнтаро продолжают оставаться актуальными: «Невский должен быть оценен лучше и не только в России и Японии, но и во всем мире».